

**АЛЕКСАНДР
СНЕГИРЁВ**

**ПРИЗРАЧНАЯ
ДОРОГА**

Москва
2019

УДК 821.161-1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С53

Художественное оформление серии *П. Петрова*

Иллюстрация на обложке – *Виктория Попова*

Снегирёв, Александр.

С53 Призрачная дорога / Александр Снегирёв. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-098987-4

Если живёшь на пути у Наполеона.

Если по дороге в магазин встречаешь говорящего
мертвеца.

Если ребёнок, которого любишь, любит не тебя.

Если заходишь в спальню, а твоя жена с другим.

Если тот, кого никто не видит, неумолимо приближа-
ется к твоему дому...

Каждый создаёт свой мир сам.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Снегирёв А., текст, 2019
© Пустовая В., предисловие, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098987-4

*Кисоньке, соавтору и этой книжки,
и всей моей жизни.*

*Олегу Жданову,
который очень хотел это прочитать.*

Предисловие

Дом творения

Благодаря предыдущему роману Александр Снегирёв выиграл премию «Русский Букер», а в новом романе обыграл самого себя.

Букероносную «Веру» Дмитрий Быков назвал «конспектом романа». Что тогда сказать о новом тексте? Это романа прообраз, завязь, это роман, вспоминающий, чем он был до рождения.

Если «Вера» позволяла говорить о том, что писатель модернизирует большой русский роман, то новый текст показывает наиболее радикальное направление этой модернизации.

Снегирёв ищет новое, отматывая время литературы назад, в архаику.

И это при том, что внешне его роман современно, даже модно прикинут. В нём есть всё, без чего трудно представить текущую литературу.

Семейная травма — действие закручивается вокруг конфликта мужа и жены, не согласных в том, как обойти приговор бездетности. Социальная драма в подсветке психологии — ребёнка,

которого есть шанс удочерить, изводят выбором и двойными стандартами родные бабки. Меланхолия внутренней эмиграции — действие разворачивается в деревне недалеко от Москвы, где даже при наплыве гостей неизбежно уединение со своими страхами, проекциями и страстями. Исповедь и компенсаторные механизмы лузера — роман написан от лица писателя, который нарывается на подвиг, сбегая от неудачи, и не находит слов, чтобы прямо поговорить с женой о том, что их мучает. Сатира и вызов — то и дело в романе продёргиваются обмусоленной ниткой образы беженцев и гастарбайтеров, воцерковленных по моде и патриотов на словах, блогерской показухи и самодовольной социофобии.

Но это напряжение актуального времени — подчёркнутое тем, что автор включает нас в своё настоящее, постепенно разворачивая один свой день в деревне от утра к следующему утру, — это выпяченное «здесь и сейчас» становится в романе объектом полемики.

«Почему ты не рассказал правду?» — требовательно обращается к мужу-писателю та, кто в романе под безличным именем Кисонька служит проекцией его реальной жены. Кисонька в романе играет против писателя — тянет одеяло супружеской, общей вроде как жизни на себя, врывается в текст с поправками, куда более существенными, чем у любого редактора. Кисонька перекраивает

мир романа — и его жанр: она упорно возвращает писателя к документальной реальности.

Писатель придумывает — Кисонька обдирает образы до фактов. Писатель закручивает сюжет — Кисонька рассказывает, как было на самом деле. Писатель «так видит» — Кисонька просит разуть глаза.

Роман движется за счёт ритма созидания и разрушения, как сам мир, в котором чередования рождения и смерти, роста и убыли, расцвета и угасания бессчётно репетируют акты Творения и Конца, между которыми, будто в подкладку вселенной, завалилась и копошится вся наша жизнь. В этой ритмичной смене художественных концепций — источник нового эксперимента Александра Снегирёва в жанре романа.

Стоит вспомнить, что его букероносная «Вера» была своего рода вызовом набравшему тогда широкую популярность в литературе жанру большого исторического романа. «Вера» вышла на фоне оглушительного успеха книг о репрессиях, гражданской войне, семейных сагах о двадцатом веке. Вышла — и возмутила несоответствием общему ряду: в маленьком романе «Вера» есть следы и саг, и эпопей, и цепь поколений, и великая война, и связь современности с началом прошлого века, и историческая травма, и взаимоисключающие пути России — весь набор модного романа, только свёрнутого в тугую трубу, из которой автор подглядывает за совсем частными

травмами своей героини Веры и представителями разных слоёв современного общества, с которыми она, как сама Россия, ищет единственно верный путь — к своему женскому счастью. Роман выглядел ехидной пародией на большой исторический жанр и в то же время опасно глубоким путешествием в подсознание современности, где коллективная память так же спутана, причудлива и тревожна, как повествование Снегирёва.

Новый роман выходит на фоне нарастающей востребованности документальных свидетельств о личных и социальных травмах. Стоит ли говорить, как угловато, вертляво и шутовски встраивается он в этот новый ряд актуальной литературы и как опасно порой замирает на самом краю пародийной исповеди?

Документальность — это рассказ об опыте, неотъемлемом и неповторимом, как имя. Это сага о том, что, в силу личного переживания, стало принадлежностью конкретно этого человека. Это попытка поделиться тем, чем на самом деле поделиться нельзя.

Лев Толстой говорил, что, возмись он ответить на вопрос, о чём его роман, ему пришлось бы написать его целиком заново.

Так и понять документальное свидетельство понастоящему возможно, только пережив его лично и заново.

Жизнь и литература не поддаются окончательной интерпретации.

Вот почему в документальной прозе жить — значит сталкиваться с достоверным и неизбежным. А в романе Снегирёва жить — значит попытаться забуриться в почву и натолкнуться на слежавшиеся презервативы.

Резиновая земля — отличная аллегория жизни, которая выдает ответы не по запросу.

Вспоминается камень, который, как сказано в Евангелии, человек никогда не предложит сыну, попросившему хлеб.

Кисонька требует от писателя напитать публику хлебом документального свидетельства. Но он во всем пережитом чувствует привкус резины, фейка, самообмана.

Что литература — лучшее средство терапии травмы, известно давно. Однако в новом романе Снегирёва литература становится антропологическим законом.

Человек литературен по природе — потому что не может не жевать резину в почву опыта.

В этом его уязвимость перед жизнью, которую он никогда не видит такой, как есть. Но и власть над ней.

Литература — способ отступить, переиграть и навязать жизни свои правила.

Неслучайно рассказчик в воображении охотно включается в полуисторическое-полумаскарадное шествие наполеоновской армии, отступающей из Москвы по дороге от ближайшего «Ашана» к его деревенскому дому.

Отступление в романе — больше, чем метафора. Это художественная стратегия торжества над фактами.

Пришла пора вспомнить произведение, с которым новый роман Снегирёва незримо связан. Его ранний роман «Нефтяная Венера», в сердце которого — тоже история семейной травмы. Этот ранний роман совсем другой, чем новый, сейчаший. Он полон сухих наблюдений за собой, суровых фактов жизни, необратимых выборов, столкновений, предательств, сокрытий. В отличие от нового романа, ранний — отчаянный, утыкающийся в неизбежность. Читая его, чувствуешь достоверность пережитого на сто процентов.

Но вот я перечитала его теперь, в свете новой вещи — и что же? Да, моя включённость в острые переживания и стыдные мысли героя, мечтающего освободиться от свалившейся на него ответственности за больного и плохо социализируемого сына, заработала снова. Но поверх неё, будто шипящей волной перекиси по кроващему порезу, — чудесное, лёгкое, утоляющее, отпускающее с миром чувство игры. Только сейчас я поняла: тот болючий и достоверно захватывающий роман — на сто процентов фантазия. Писатель Снегирёв смог передать мне достоверные переживания, не раскрывая действительно пережитого. Писатель — он такой. Никогда не обнажается до конца, остаётся загадкой.

Но такая же загадка в новом романе Снегирёва — любой человек. Вечно ищущий путь отступления от судьбы и выпадающий из своего сейчас в то всегдашнее, спасительное, игровое, чудесное пространство, которое мы называем немного скучным словом «культура».

Человек сам — литература. Писатель себя. Созидатель, соревнующийся с силами разрушения.

Новый роман Александра Снегирёва — о том, как раскопечгарить в себе творящую энергию. И быть готовым пересоздать мир после разрушающей встречи с самим собой.

Александр Снегирёв написал не исповедь, не сатиру, не семейную драму, не монолог-doc — хотя всем этим жанрам находится место в его новой книге.

Он написал роман-обряд.

Это не магический реализм, а реальность магии. Это жанр-действие, в котором конкретное «здесь и сейчас» вытесняется вечным, всегдашним, а люди выступают под бирочными именами: богиня, плотник, печник, сосед, сиротка, бабки, Кисонька.

Это замыкание времени в магический круг, где точка смычки — мистическая встреча с тем, кто только на первый взгляд кажется рассказчику незнакомцем.

И растяжение пространства, обрастающего карманами подземелий, сараев, мерцающих комнат, срабатывающих как лаз для инициации, куда рас-

сказчик попадает будто мальчиком, не знающим себя и своих сил, а выходит, как признаёт хотя бы одна из вечно предающих его женщин, «другим человеком».

Это проза базовых ритмов и сущностных рифм, когда явления повседневной жизни притягиваются друг к другу, как женское к мужскому.

Это танец поворота, в котором дом кружится вокруг хозяина, благодетель — вокруг сиротки, соперники — вокруг верной жены, сладости жизни — вокруг случайной смерти, вдохновение вокруг утраты.

Редкий пример писательского шаманизма, возвращающего литературе её доисторический смысл — ритуала, в круге которого смыкаются точки выхода и входа, смерти и зачатия, горя и надежды, слова и жизни.

Валерия Пустовая

Пролог

1

Перекладина прогнулась под ногой.
Его шатнуло назад и вниз.
Мгновенный ужас бултыхнулся в нём.

Трап, идущий по крутому скату крыши, оказался дохловат.
Он сам купил железные уголки для перекладин,
и эти уголки теперь норовили обломиться.

2

Всему причиной – желание заинтересовать, понравиться.
Потому и начал с напряжённой сцены.
Да ещё и пишет о себе в третьем лице.

Чтоб в жанре.
Типа, как Хичкок завещал: землетрясение на
Манхэттене и – по нарастающей.